

В. И. КОРЕЦКИЙ

Новые послания Зиновия Отенского

До последнего времени Зиновий Отенский был известен как автор противоеретических произведений, направленных на обличение «нового учения» Феодосия Косого. Исследователи полагали, что писать он начал довольно поздно, уже на склоне лет, в самом конце 50-х годов XVI в.¹ Недавно удалось обнаружить послание Зиновия Отенского к дьяку Я. В. Шишкину по вопросам суда и судопроизводства, написанное в 30-х годах XVI в.² В начале 50-х годов им было создано Слово об Ипатии Гангрском.³

Публикуемые неизвестные сочинения Зиновия Отенского проливают новый свет на первый период его творчества, когда он еще не был целиком поглощен борьбой с еретиками. Это — «утешительное» послание в Соловецкий монастырь заключенным там Гурию Заболоцкому, Касиану и Гурию Коровиным и послание к «неким, воспросившим о питии». Они известны лишь в одном списке в сборнике посланий ГИМ, Музейское № 1209 последней четверти XVII в., в 4°, писанном скорописью на 254 лл. Водяной знак — герб Амстердама, 80-е годы XVII в., типа Тромонин № 1592 (1686 г.) и Гераклитов № 54 (1687 г.) и № 55 (1688 г.).⁴ Этот сборник настолько интересен по своему составу, что на его содержание необходимо остановиться подробнее. Сборник открывается легендарной перепиской Христа с царем Авгарем и Понтия Пилата с Тиберием (лл. 6—15 об.). Далее помещена большая группа посланий, связанных с именем Иоанна Златоуста (лл. 16—66 об.). Лл. 67—70 об. занимает духовное завещание Иосифа Волоцкого, за которым следуют публикуемые послания Зиновия Отенского (лл. 70 об.—101 об.), три послания старца Елеазарова монастыря Филофея: великому князю Василию III (лл. 101 об.—106 об.), дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю, «в нем же на звездочетцы и на латыны» (лл. 106—120) и ему же «на противищахся божьей воле в смертоносное время» (лл. 120—124 об.) и послание Дмитрия Герасимова к дьяку М. Г. Мисюрю «о образы господни, что написан подобно Давыду царю», ошибочно приписанное в заглавии Филофею (лл. 124 об.—126 об.). Группа русских посланий прерывается посланием Илариона Великого и даром («велением») Констан-

¹ Ф. Калугин. Зиновий, инок отенский, и его богословско-полемические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894, стр. 87.

² А. И. Клибанов и В. И. Корецкий. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 201—224.

³ В. И. Корецкий. Вновь найденное противоеретическое произведение Зиновия Отенского. — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 166—185.

⁴ А. А. Гераклитов. Флигираны XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов. М., 1963.

тина римской церкви (лл. 126 об.—178 об.). Возобновляются русские послания посланием Ф. И. Карпова к Максиму Греку: «Возлюбленому о Христе пречестнейшему господину иноку Максиму, иже от Ватопеда Федор Иванович сын Карпов челом бьет. Мнит ми ся отче, еже не подобает недомыслящему стыдешься...» (лл. 178—182). Переписка Ивана Грозного с кн. А. М. Курбским представлена первым посланием Курбского царю 1564 г. (лл. 182—186, 188—188 об.), которое прерывается посланием Тимохи Тетерина боярину М. Я. Морозову (лл. 186—188) и ответным первым посланием Ивана Грозного Курбскому 5 июля 1564 г. (лл. 188 об.—210). Лл. 211—213 об. занимает послание Ивана Грозного патриарху александрийскому Иоакиму, а лл. 214—216 об. — грамота от воеводы киевского князя Василия Острожского патриарху Иову. Далее следует группа посланий XV в., связанных с поставлением Григория Цамблака митрополитом киевским и литовским (лл. 216 об.—236), представляющих варианты к известным. За посланием Василия Великого к Григорию Богослову (лл. 236—245) следуют два послания Максима Грека к Сильвестру попу (лл. 245—247) и к Григорию дьякону (лл. 247 об.—248 об.). На лл. 248 об.—250 помещено Лаодикийское послание ап. Павла. Л. 250 об. — порошний с записями карандашом позднейшего времени. Сборник завершают два безымянных послания в виршах о чтении книг Максима Грека и о ниспослании чадородия (лл. 251—253 об.) и с просьбой о заступничестве перед самодержцем (лл. 253 об.—254 об.).

Даже из простого перечня включенных в сборник материалов можно составить определенное представление о богатстве и разнообразии его содержания. Здесь и послания таких признанных богословско-литературных светил, как Иоанн Златоуст и Василий Великий, и сочинения целого ряда церковных и светских авторов XV—XVI вв., навсегда вошедших в историю древнерусской общественной мысли и литературы. Помещение в этом специальном сборнике посланий сочинений Зиновия Отенского — свидетельство того, что они рассматривались его составителем как образцовые.

Кому же адресовано «утешительное» послание? Гурий Заболоцкий — лицо в XVI в. известное. Это видный «иосифлянин», архимандрит Симоновский и игумен Песношский, а затем епископ Смоленский. Он выбирал Макария на митрополию и участвовал в работе Стоглавого собора.⁵ Н. М. Карамзин в своих примечаниях привел относительно Гурия Заболоцкого следующее летописное известие: «Марта 17 (1555 г., — В. К.) поставлен в Смоленск владыка, кирилловской игумен Симеон, а Гурий оставил епископство за немощью (курсив мой, — В. К.) и сниде в монастырь...».⁶ Теперь мы знаем, что уход Гурия Заболоцкого был отнюдь не добровольным, вызванным его болезнью или старостью («за немощью»), а вынужденным. Местом его заключения оказался Соловецкий монастырь.

В Никоновской летописи под 1555 г. сказано в довольно общей форме, что в этом году повелением Ивана IV «сыдошася вси Рустии архиепис-

⁵ А. А. Зимин. И. И. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 72—74.

⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII М., 1819, стр. 125, примеч. 193. — Похоронен Гурий Заболоцкий был, однако, в Песношском монастыре — см. в кн.: Историческое и топографическое описание мужского общежительного монастыря св. чудотворца Николая, что на Песноше, М., 1837, стр. 35—36. — Дата смерти Гурия Заболоцкого, к сожалению, неизвестна. Согласно вкладной Иосифо-Волоколамского монастыря, корм по нем производился 15 ноября (ГИМ, Епарх. собр. № 419, л. 97).

копи и епископы и архимандриты и игумены о многообразных чинех церковных и о многих делах ко утвержению вере христианьской». ⁷ Это сообщение любопытно сопоставить с известием Новгородской II летописи о возвращении 22 апреля 1555 г. из Москвы в Новгород новгородского архиепископа Пимина после 24-недельного пребывания в столице («а жил на Москве 20 недель и 4 недели»). Вместе с ним приехали игумен Спаского-Хутынского монастыря Маркелл и Пафнутьева монастыря Вениамин. ⁸ Отсюда можно заключить, что церковный собор, о котором говорится в Никоновской летописи, заседал зимой и весной 1555 г. Еще 3 февраля 1555 г. новгородский архиепископ Пимин, смоленский епископ Гурий и Феодосий коломенский, игумены хутынский Маркелл и пафнутьевский Вениамин в числе других высших церковных иерархов присутствовали на торжественном поставлении архиепископа Гурия на Казань. Однако затем обсуждение на этом соборе церковных вопросов, очевидно, не обошлось без острых разногласий, жертвой которых и стал Гурий Заболоцкий. По-видимому, тогда же был «свержен» и коломенский владыка Феодосий. ⁹ Если о низложении Феодосия Иван Грозный как будто сожалел, обвиняя в этом Адашева и Сильвестра, ¹⁰ то его отрицательное отношение к роду Заболоцких вполне проявилось в 60-х годах, когда трое из его представителей были казнены, а двое вынуждены были бежать за границу. ¹¹

Как видно из заглавия к посланию, вместе с Гурием Заболоцким «в заточении» в Соловецком монастыре находились два брата Коровины — Кассиан и Гурий. О Коровиных, как сторонниках «несчастителя» бывшего митрополита Иоасафа, недоброжелательно отзывался Иван Грозный в своем известном послании в Кирилло-Белозерский монастырь. ¹² Гурий Коровин упоминается в Новгородской III летописи под 1551 г. О нем говорится как об игумене Хутынского монастыря, при котором три года строилась церковь в честь Варлаама Хутынского, освященная в этом году. ¹³ Однако в момент освящения, 6 ноября 1551 г., как явствует из записи, Гурий Коровин пост игумена уже не занимал. Под 2 декабря 1551 г. игуменом Хутынского монастыря назван Паисий Козлятев. ¹⁴ Неизвестно, однако, тогда же Гурий Коровин попал в Соловецкий монастырь или позднее.

В отличие от Гурия Заболоцкого в Коровиных следует видеть деятелей нестяжательского толка. Послание Зиновия интересно в том плане, что конкретизирует наши представления об отношении правительства Ивана IV к внутрицерковной борьбе середины XVI в. Разгромив в начале 50-х годов совместно с «иосифлянами» еретиков и «несчастителей», оно затем наносит удар и по оказавшимся почему-либо неугодными высшим «иосифлянам» вроде Гурия Заболоцкого.

В своем послании Зиновий Отенский выступает как церковный писатель-моралист и аскет, проповедующий стоическое отношение к выпад-

⁷ ПСРЛ, т. XII, М., 1965, стр. 249.

⁸ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 87—88.

⁹ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, табл. 1031.

¹⁰ См.: Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 52.

¹¹ С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана Грозного, как исторический источник. — В. кн.: С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 383—384; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 116—117.

¹² Послания Ивана Грозного, стр. 175.

¹³ Новгородские летописи, стр. 330.

¹⁴ Там же, стр. 83.

дающим на долю человека бедствиям и страданиям. Утешительные послания писал учитель Зиновия Максим Грек, и, возможно, кое-какими положениями оттуда мог воспользоваться Зиновий, создавая свое послание,¹⁵ но общий строй рассуждений у него другой. Согласно Зиновию, все в мире — и природа и люди — подвержено страданиям, стражам, изменчивости. «Естеству вещей» присуще богом установленное «нестояние». Человеческая жизнь уподобляется этому постоянному коловращению в природе. Она также подчинена божьему промыслу (л. 75). Свои размышления о переменчивости человеческих судеб Зиновий подкрепляет ссылкой на книгу Экклезиаста (1, 4). В таком взгляде на жизнь Зиновий перекликается с безымянным автором статьи о книжной премудрости и суетности этого мира, известной в первой половине XVI в.: «... в житии сем ничтоже утверждено, горняя бо несутся долу, дольная же несутся горе».¹⁶

Стремящийся сохранить неизменяемыми честь и положение в обществе, заявляет Зиновий, обращаясь к своим адресатам, губит себя: «Не воззрит ли таковой к старейшему родов солнцу и благороднейшей луне, иже в толицей силе и светлости не без страсти суть» (л. 75 об.). Любопытно отметить, что к той же ссылке на книгу Экклезиаста (1, 4)¹⁷ и к тому же примеру из астрономии прибегает Зиновий Отенский и в «Истине показании», обосновывая свое космологическое доказательство бытия бога: «Безначальна бо точию единому богу бысть и не пострадати ни единому страстию. Аще же стражат что коли, что не есть безначально; роженому пострадати свойственно, понеже бытию своему началу имать... Небеса же, и земля, и вода, и воздух, и солнце, и звезды разумеваются, яко несть безначальны посему, понеже стражут».¹⁸

В этих своих религиозно-философских построениях Зиновий Отенский следовал Иоанну Дамаскину.¹⁹ По-видимому, его имел он в виду, когда, намекая на солнечное затмение, писал: «ибо и пресветлейшее солнце от луны страсть приемлет, яко же нещии рекоша» (лл. 71—71 об.).

Страдание выступает у Зиновия могучим двигателем: «Добро быти напасти и лучши ослабы, и самая бо земля, оставленная — тернию и волчцу мати бывает, прилежима же и мучима — плодоносит, и лоза режема многоплодна, но и вода стоящая согнивает и смердит, нуждодвижная же и текущая — сладка и потребна суща» (лл. 79—79 об.).

Путь к святости лежит через страдание: «Отсюда мужи боголюбцы, мудрии же и разумнии, находящыя скорби доблественне терпят, ови же и самоволне в скорби внидоша, нищету и злострадание избравше паче отчаго благородия, и могущества, и наслаждения...» (л. 78 об.). В этой апологии страдания сказала, очевидно, личная жизненная трагедия Зиновия. Как предположил еще Ф. Калугин, Зиновий подвергся опале и ссылке после второго осуждения в 1531 г. Максима Грека церковным

¹⁵ Так, например, следующим местом из послания утешительного Максима Грека о терпении в скорбях князю Димитрию: «Не возможно бо всякому человеку, пришедшему в сей мир, аще и в самый верх благоденствию въздет, без скорби всякия изыти от многоболезненного жития сего. И свидетель неложен глаголай песнопевец: кое житейское наслаждение пребывает печали непричастно? Кая слава стоит на земли непременна? Вся степени немощнейша, вся соний прелестнейша, нашедши бо смерть, сия вся разорила естъ». — Максим Грек. Сочинения, т. II, Казань, 1860, стр. 392.

¹⁶ Н. К. Никольский. Описание рукописей, хранящихся в архиве св. правительствующего Синода, т. II, вып. 2. СПб., 1910, стр. 824.

¹⁷ Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении. Казань, 1863, стр. 56—57.

¹⁸ Там же, стр. 63—64.

¹⁹ Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Перевод с греческого А. Бронзова. СПб., 1894, стр. 48, 62—63.

собором.²⁰ Но если в 30-х годах, вспоминая о постигшей его несправедливости, он не мог удержаться, чтобы не воскликнуть в сердцах: «Кто бывал избобжен, тот знает, какова беда и какова горесть обиды!»,²¹ то спустя 20 лет, умудренный жизненным опытом, Зиновий счел возможным лишь утешительно-ироническим тоном укорить тех, кто, как Гурий Заболоцкий, совсем недавно осуждал инакомыслящих, а теперь сам нуждался в утешении и сострадании.

В своем послании Зиновий Отенский использовал не только книгу Экклезиаста и другие библейские книги, послания апостолов, сочинения Иоанна Дамаскина и Иоанна Златоуста, на которого ссылается (л. 80), но и Житие Варлаама и Иоасафа (л. 78). Этим Житием, представляющим собой обработку, приписываемую Иоанну Дамаскину, восточной легенды из жизни Будды, воспевающим аскезу и суровый иноческий подвиг,²² зачитывались в различных слоях русского общества XVI в. На него ссылался в послании в Кирилло-Белозерский монастырь Иван Грозный,²³ его переводил в Литве князь А. М. Курбский.²⁴ Причем каждый из них вкладывал в Житие свой смысл.²⁵ Для образованных монахов, таких как Зиновий и его адресаты, это Житие было настольной книгой. Идеи, содержащиеся в нем, полностью соответствовали аскетическим идеалам Зиновия Отенского.

Философский подход к разработке темы, обращение к лицам, недавно занимавшим высокие посты в церковной иерархии и хорошо церковно образованным, определили литературный стиль «утешительного» послания. Зиновий неоднократно высказывал предпочтение церковно-славянскому литературному языку — «грамотическим словесам», «книжным речам» перед русским простонародным языком — «народным грамотам», «общим народным речам».²⁶ Эта его приверженность к книжности нашла в «утешительном» послании свое полное выражение. Фразы его нарочито утяжелены, синтаксис запутан, ради образности подчас затемняется смысл.²⁷ Однако стоит Зиновию перейти к изложению фактов повседневной жизни — и стиль его упрощается. Так происходит, например, когда Зиновий вслед за митрополитом Даниилом²⁸ обвиняет русских знатных женщин в пренебрежении материнскими обязанностями: воспитание своих детей они, оказывается, передают «работным», т. е. кормилицам, нянькам и мамкам из дворовых людей (л. 73 об.). В этом упрощении стиля, даже у такого убежденного поборника «книжных речей», каким был Зиновий Отенский, нельзя не видеть властного воздействия живого, разговорного народного языка на литературный язык того времени.

²⁰ Ф. Калугин. Зиновий, инок отенский... стр. 84.

²¹ А. И. Клибанов и В. И. Корецкий. Послание Зиновия Отенского дьяку Я. В. Шишкину, стр. 221.

²² История русской словесности А. Галахова, т. I. СПб., 1880, стр. 422—426 (раздел о Житии Варлаама и Иоасафа написан А. Веселовским); А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVI вв. СПб., 1903, стр. 4, примеч. 3; Н. П. Попов. Афанасиевский извод «Повести о Варлааме и Иоасафе». — ИОРЯС за 1926, т. XXXI, л., 1926, стр. 190—191.

²³ Послания Ивана Грозного, стр. 174.

²⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVI вв., стр. 280.

²⁵ В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — ВИ, 1967, № 5, стр. 38—39.

²⁶ В. И. Корецкий. Вновь найденное противоречивое произведение Зиновия Отенского, стр. 175—176; Зиновий Отенский. Истины показание... стр. 964—965.

²⁷ Приношу глубокую благодарность Н. Б. Тихомирову за помощь при подготовке текста посланий Зиновия Отенского к печати.

²⁸ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 544.

Послание Зиновия «к неким, вопросившим его о питии» появилось скорее всего в связи с теми спорами, которые возникли в русском обществе, особенно в монашеской среде, после известных постановлений Стоглава о «пьянственном питии» монахов (гл. 49 и 52).²⁹ Выступления церковных писателей на Руси против пьянства имели к середине XVI в., когда писал свое послание Зиновий Отенский, длительную историю.³⁰ Из его современников о пьянстве писали Максим Грек,³¹ Ермолай-Еразм³² и митрополит Даниил. Позиция Зиновия, занятая им по вопросу о «винном питии», близка к последнему. Митрополит рекомендует есть и пить «мерно и разумно во славу божию», «... во всем меру уставим в пици и в питии: в пице — яже к животу точию довлеет, сице ж и в питии — в скорбех, в болезнех и от трудов покой в меру и в старости полезно есть, точию не пьянством, но в мале прохложении же и к животней силе естество окрепити».³³ В полном согласии с ним Зиновий заявляет, что тот, кто «неисцелною печалию снедаем бывает... и той, упився, забудет убожество свое, от силы вина преклоняся в сон, его же ради и поспит в сладость» (л. 94 об.).

В этом послании Зиновий возвращается в основном в круг ветхозаветных и евангельских сюжетов и образов. Помимо Библии, привлечены им только сочинения Василия Великого (л. 81 об.) и Иоанна Златоуста (л. 89). Стиль его живее и проще предыдущего послания. Повествуя о мучениях, которые претерпевают укушенные змеей, Зиновий ссылается на очевидцев — «деревенстних людей», сельских жителей (л. 96 об.). Здесь опять проявляется отмеченное нами на примере «Слова об Ипатии Гангрском»³⁴ присущее ему стремление пояснять непонятные термины: «Точила же убо, идеже вино изжимают, топчющи. По нашей же стране речь сия: на множайшая русла и тшаны потечещи, рече» (л. 96); «мню, кераста гада глаголет, его же у нас именуют уж» (л. 96 об.).

К вопросу о «винном питии» Зиновий вернулся позднее в «Истины показании». Опровергая утверждения Феодосия Косого о том, что «хмель от беса», делавшиеся им со ссылкой на игумена Серапиона,³⁵ Зиновий подробно останавливается на критике Стоглава, запретившего монахам употреблять напитки «с хмелем» и предложившего им пить виноградные вина и мед. Эти постановления Зиновий связывал с «нестяжателями» — князем Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком, которые, получая еду и заморские вина от великокняжеского стола, естественно, не могли понять «убогих мнихов». «От сего познавается, — едко замечал он, — яко уставляющий сия не от рассмотрения произвещишася на сие, но мнихов неубогих от хотения своего умышление есть сие установление... яко не-

²⁹ Стоглав, изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 166—167, 174—178.

³⁰ В. Жмакин. Митрополит Даниил..., стр. 550—551.

³¹ Максим Грек, Сочинения, ч. II, стр. 149—151, 268—269.

³² ЛЗАК, т. 33, Л., 1926, стр. 198.

³³ ГБЛ, собр. МДА, № 197, лл. 278 об., 454.

³⁴ В. И. Корецкий. Вновь найденное противоречивое произведение Зиновия Отенского, стр. 170.

³⁵ Зиновий Отенский. Истины показание..., стр. 901—902. — Запретить разведение хмеля и корчмство предлагал Ермолай-Еразм, полагая, что по искоренении на Руси пьянства там «не будет и душегубства» (ЛЗАК, т. 33, стр. 198). В древнерусской литературе известны многочисленные сказания против пьянства: «Повесть о высокоумном хмелю», «Слово Василия Великого о хмельном питии», «Слово о хмелю Кирилла философа» и др., но какого-либо сочинения игумена Серапиона на эту тему не зафиксировано; см.: В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, вып. I. М.—Л., 1940, стр. 251—255; История русской литературы, т. II, ч. 2, М.—Л., 1948, стр. 287—292; А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. М.—Л., 1955, стр. 136—143.

убоги сущи могут куповати на потребу мед и вино гроздово; убогим же мнихом ниже во сне мечтатися когда есть вину гроздову или меду».³⁶

Вновь публикуемые произведения Зиновия Отенского в сочетании с ранее опубликованными нами дают возможность изучать его творчество в развитии. Оказывается, «Истины показанию» предшествовал целый ряд сочинений Зиновия, которые так или иначе отразились в этом его главном труде.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГИМ, Музейск. № 1209, XVII в., 4°, лл. 70 об.—100 об.

Послание Зиновия, старца Отни пустыни, ко мнихом, бывшим в заточении в Соловецком острове, Гурию Заболоцкому, и Касияну и брату его Гурию Коровинным. л. 70 об.

«Кто ли боголюбец в скорбех малодушства, и кто когда от другов божиих и рабов в напастех опечалися? Многими бо скорбьми владыка и зиждитель в царство его внити || своеименным повелел есть. Иде убо и небесем со землею мимоходящем, Иисусову же словеси мимо ити никако же. Сия убо тверда и известна и никако же когда мимоходяща доволна сущи всяку слабу и немощну душу стягнути и на терпение помазати непреложным вещей збытия, еже убо, хотящем нам и не хотящем быти, им есть. Во что кому малодушие, во что же и тщетныи печали пронизают кому душу, неизбежных избыти нудящися, еже есть неудобно и невозможно, в веще бо сем текуща вся, разве превечных, ибо и пресветлейшее || солнце от луны страсть приемлет, яко же нецый рекоша, а и на толице высоте висяще есть, ему же и ночь противитися не может, его же светом всяка доброта своего лица лепоту покажет. Кая диадима хошет того светлости сообразитися, аще и тмами злата льщание и бисер сияние имать и безценных камык. И еже и царем величие мнитися, не хошу же глаголати, яже последуют величию их, скорее бо злака изменуются высими и низлагаема, како же и самая та луна сице славою преимушия и тмоу владушия тридесяти || точию дньми изменяема присно, еи же никакая сана светлость уподобитися может, юже выну кто от славных мира иногда бывый зря, како утешитися не хошет: от века образи творцем поставлени им же человеке житие сообразуется, род бо приходит и род минует, и власть востает и исчезает, учителя же и подобие, на толицей высоте стояще, нужно присно движими, своих устав преступити не могуще, по всечасным прменением изменяеми. И от долу паки ини образи ближше — цвеве трав — изменяемому нашему житию, яже кийждо || зря человек утешение печальным находением имать, аще убог или богат, безславен же и славен — общаго бо естества сущи, обще и вешем измену приемлют, неостоятелна вся зряще и применяема, выну учение и утешение готово к безпечалию и благодушию имущи. Кое же когда человек малодушен — печалем разрешение утешением примет, унынием сплетая в сердцы си печали сам, ни яко человек есть помышляя себе быти, ниже яко есть бог разумей, ниже ко иже удобственному изменению прилежа, ни ко иже по естеству сущим взирая, но едино || нашедшее ему токмо зря и сему чюдится и истаявает умиленный немудро и смышляет нестойкая сединному разуму. Наипаче же кто лета ради учитель должен

³⁶ Зиновий Отенский. Истины показание... стр. 903—904.

^a Написано на полях киноварью. Глава 32.

быти научитися не хоцет, како, егда един на земли таковая приемля, не тмами ли множайшии высоцию низлагаеми и потребляеми, но и отец своих сия навькати, древле тая ж или большая страдавших. Аще и не сие, но и един от всех в сия впаде. И не тако мужу ослабети лепо, ниже ужасатися, кое ли бо коли мужа мудролюбца от славы в безславие низпадение опечалити воз||может. Видим начала по нас самех, коими славами светяся и коею честию обстоим в скверных местех утробы, и се нощию и тайно за срама многое зачинаяся младенчищ сущь и оттуду происходя безобразными и колико немощными праходы, аще не и многи помощи улучит от воды, от теплоты, от иерейских молитв и в воспитании. И еще своя матере, иже честию облежимии, своеродных гнушаются, тем же и работными воспитоватися сим хотят. Сия зачала славы бесславие. Кои же концы славе сей,⁶ егда уже нечувственна и недвижима мертва на одре,

а. 73 об. **в**ся||кыя чести неведуща прияти, ниже воздати, елико же и смрадом одержется гнусен и неприступен, гной и червми движим, елико не обоняти, толико же и отбегати, прочее ничто же ино, разве кала и мало костей. Како и кое приобретение мира сего слава, ей же зачало студ и конец мерзок.

О нужи льстящих нас помышлении!

Но ниже благородием разумен кто вземлется или отпадая скорбит, аще и царск внук или ипата сын есть, ведущу единого родоначалника Адама, иже благородна бывша и безродна, после же славна и безчестна

а. 74 об. **Н**е от иного родоначалника || цари, иного же ипаты и воеводы и начальники, и другаго безславнии и нищии, но вси от того же и из единого Адама. Что же по преспеянию или славе быти дадим единому от другаго разума же ради и храбрости предвестися кому, никто же о сих предрекует, но и сия ко производимому единому токмо зрят. Сиде от злородных светлы честию мнози явишася, тако же и от благородных безчислены уничижены и посрамлены быша. Не естества бо сия вся, но случая суща. Тем же и изменяема обаче и от злородных, взыскающе, мнозех узрим прадеды и

а. 75 **п**раотцы им горды и славны быша иногда, || благородных же праотцы и прадеды обрящем земледелцы, и кузнецы, и просители древле бывших. Тем же мудролюбцу и разумному несть опечалитися на безсловие сшедшу, ниже оскорблятися, аще и благородие уничижаемо в нем будет, ведущу начало бытия и знающу бываемая и проразумеющу конечная. Когда же како печали избавитися хоцет кто, иже ни естеству вещей нестояния повиняся, ниже божиим судбам праведным возвещенным веруя, единою неначаянне ножем неразмышления себе погубив, во глубине печали самохотне погрузився неизменяему || честь и непревратно благородие хотяще имети.

О безместия обычая, о льщения нрава! Не возрит ли таковой к старейшему родов солнцу и благороднейшей луне, иже в толицей силе и светлости не без страсти суть. Острейше слово происходя покажется: аще есть мир сей, да ходят по нем любящии его. Аще ли есть бог, да последуют по нем. Еда есть мир или может и яже хоцет творит, аще не господь, но и не вся ли любящая его, мир обругав и подсмеятелны отсюду тщих отпусти. Откуда нам печали, аще не от любви мира? Тем же прочее || требующии мира сего, яко не требующе по апостолу: повсюду бо везде губитель печаль имущим ю, христианин ли кто, аще славен, аще не славен, богомудрие да лобызает и возвещенныя вся судьбы божия да оправдает. Да возведется кто, иже мирскими печален, богодухновенными словесы, глаголющими: господь смиряет и высит, — и, воспоминая, да

а. 76

⁶ *Испр.: в рукописи словесей.*

утешается, яко богатии обнищаша и взалкаша, взыскающии же господа не лишатся всякаго блага. Несть бо, несть что сильнее благочестия, и ничто же есть державнее помысла благочестива. Мудрости же злоба не соодолеет нико||гда же. Что же к сим слава, что благородие? Не цари ли и к нищим иногда бывшим прибегают, неже ипате, но и ко образом их припадаху. Несть бо ничто же лучше страха господня и несть ино что, разве еже бояться господа. Кто бо когда упова на господа и постыдесе коли, или кто возва и не услышан бысть? Кто же возуповает ко господу достойно не иже ли, иже вся поперет и оплюет, иже мира сего славная и добродородная? Кто же ли воззовет и не услышится? Не той ли, иже выше земли мыслию и в самое небо смиренном влезый за кротким и смиренным || сердцем Исусом? Кто коли будет благороден, да помышляет истинное благородие Исуса^о сына божия, иже смирися и безчестися сущая слава, в кротости всесильный не воздая и бием не воспрещаше. Обезумихся, во священная благодействия приникая, не вед, како слово доведе, зане добре скорбящих, но сократив рещи, ²«благо же⁴ им же скорби — многи бо скорби праведным и боголюбом напасти. Тако бо велик бысть божий друг благословенни обеты божия в земля. Сице благороден Исаак, Ияков чуден, наследницы обетования, и прочии светли вси, иже лишаеми выну и оскорбляеми, || им же не бе достоин весь мир. Отсюда научается непорочный, ибо по оных напастех глаголаше: слухом преже слышах тя, ныне же око мое виде тя. Тако же по скорбех Ияков взываше: «Видех бога лицом к лицу и спасе ми ся душа». Сице по гонениях царственнейший отрок пояше: «Благо мне, яко смирил мя еси яко да научюся оправданием твоим». Како же нещии от лица собора, радующеся, идяху почто, яко сподобишася, рече, прияти безчестие о имени господа Исуса^с? И кои и колицы, их же слава над небесными, их же глаголы на концах вселенных, им же подножие царския главы, по темницах и юзах || мучими, яже им венцы, им же порфира и светлая одежи — раны! Почто ревноваше мнишеским напастем царственнейший Константин, еже не получив, скорбяше, а и в радости уже коими ят, Иоасаф царствия светлости совлекся, Варлаама в пустынях взыскуя, и Елисвиянови же на гору текущу, самоволне и иноческия страсти добызая како?

О разума и мудрости боголюбцев мужей! О похотителей истинныя славы и живота безсмертнаго и превысокия чести и неприимныя, ибо забыти подлежит человеце естество, наипаче же яко самовластие имать. Праведно убо яже от напа||стей скорбми возбужатися и в свою честь востаяти и к богу восходити, да на забытием от человек скот неразумен будет: призови бо мя, рече, в день печали твоея и избавлю тя и прославиши мя. Отсюда мужи боголюбцы, мудрии же и разумнии, находящыя скорби доблественне терпят, ови же и самоволне в скорби внидоша, нищету и злострадание избравше, паче отчаго благородия, и могущества, и наслаждения, ведуще, яко человек в чести сый неразумен, не токмо приложится скотом несмысленным, но и уподобится им. И той путь соблазн им. Тем же разумнии || усердно страдаху и не стужаху си в напастех, лучшая предизбирающе. В немощи бо есть воля силе божии совершится. Сие же и само естество рода нашего просит. Сими бо помощи наслаждается человечество. Видим бо родоначалника без скорби в раи бывша, вскоре по естеству сущих испадша, абие и на бога возмечтася, израильтяне же по томлениях, идеже ослабу восприяша, ту и на идолослужение

^о Слово Исуса исправлено подчисткой первых двух букв на Исуса.

¹⁻⁴ Повторено дважды

^с Слово Исуса исправлено подчисткой первых двух букв на Исуса.

- совратишася, забыша все преславное чудес величество. Что же и Соломона от боголюбства отверже, повсюду препираясь? Добро быти напасти и лучши ослабы, и самая бо || земля, оставленная, — тернию и волчцу мати бывает, прилежима же и мучима, — плодоносит, и лоза режема многоплодна, но и вода стоящая согнивает и смердит, нуждодвижная же и текущая, — сладка и потребна суши. Сия вся притчи и образи жизни нашея поставишася господом, утоляя несмысленное дмение человеческое, яко полезну лечбу забыти и неразумию напасти обяза. *Аще* бо за ны себе даде благий наш владыка и господь, кую ползу ину не бы дал нам, иже преже от сложения мира царство проуготовавый? *Нужда* апостольское слово восприяти: долго || терпите, рече, братие, до пришествия господня, есть бо бог, тем же, *аще* хошем, *аще* не хошем, подобает нам лицу божию явитися. Кацем же убо тогда подобает быти? Точию напастным путем безбедно гордому оному часу приблизитися, яко же апостол научает, ибо искушение вашей веры содевает терпение, терпение же упование, упование же не посрамит. Тем же по божественному Златоусту не сие помышляем, яко да не постраждем что от кого, по сие точию едино помышляем, да на содеем кому что зло, ибо *аще* не подвижи, ниже венцы, *аще* же не труд, ниже почести были быша, || *аще* кто рачительством ят есть прославитися Иисусу и совоцаритися с ним, той без при и без всякого ответа да спостраждет ему и претерпит с ним, вне врат пострада, его же держава, его же владычество, того веление, того честь, тому поклонание, тому слава, ему же сила, ему же величество, ему же царствовати во веки веков. Аминь.

Послание Зиновия, старца Отни пустыни, к неким, вопросившим его о питии.

- * Заповедание вашего братолюбия зело тяжко, и бремя любовь ваша возложи на нашу плещу неудобь носимо, его же подъяти худости ради || своя не могий стыжу бо ся просвещенным мужем беседовати, ни бо и подобно се. Дерзо бо есть, еже и осуждение не мало, преслушание же мучимо всяко и глаголати же, *аще* нам на ся глаголати есть. Нам бо от вас просвещатися есть божественнаго устава веление в недоумении же, еже о сем, что сотворити. Сего ради и долгомедление ответа нашего к вам, обаче своя ми убогия души или о моем погрешении и вам помыслих явлено сотворити.
- Богодухновенное убо писание ветхое и новое весте известно, понеже аз вспомянути же многаши и ветхому || священному писанию, яже от пьянства беду, и в первых принесе праотца нашего Ноя. Той бо вторый родоначальник бысть до потопа. И потом Лота упоена повесть, иже всяку душу в трепет и ужас вложити могущу и не оставляющи нимало поползнутися, еже непщевати вины о гресе, рекше изветы творити согрешению, аки бедою принужден или неведение непщевати или неразумия вину прилагати. И о Лоте убо оставляю плач, паче бо мя обаче о сем великаго Василия беседование хотяй да прочтет. О втором же родоначальнице Нои все отцы отвещают праведне, яко первые пит вино и сего ради упися Ной, яко меры питию *еще* не навиче познати. Сего ради и не вмняшеся в грех праведному. Пит бо вино Ной не за еже упитися ему, но вкус познати, и разумев вкушением, яко подобны питию и блажайши естеству, неже вода, яве же от сего, яко пит Ной за еже утолити жажду. И поне вино пит, бысть упитися Ноеви неволею, не ведущу пьянства сущаго в вине. *Аще* же и без греха бысть пьянство праведному, яко же слово

яви, но обаче колику беду пьянство пороуди. || Пишет Моисей в книзе Бытейстей: Пит бо Ной от винограда и опися и спаше наг. Яве же, яко отверже ризы своя, пьянству праведнаго смысл и память погрузившу. л. 82 об.

Виждь же беду величества! Видев его нага Хам, — сын его, и шед поведа братама своима. И истрезве Ной от вина и разуме, еже сотвори ему сын его среднейший, и отвеща на него, еже отвеща, от сего известно, яко елицы сынове его или по естеству, или по духу, или по словеси, иже порождени словом благочестия или добродетелей, аще своим родителем плотским || или духовным, или иже по слову в недостатках их, рекше в со- л. 83

блажненных, посмеются и иным поклевещут, под ту же клятву Хамову подлагают себе и будут в клятве в век. Дерзну бо разверсти очи свои и простре безстыдно видети наготу отца своего и не покры, но, подивився, зазре и, отшед, не утай срамоты родителя, но поведа и братама своима. Виждь же и добродетели благих сынов противу злодеянию лукаваго сына. Рече бо писание, яко взяша Сим и Афет ризу, возложиста на обе л. 83 об.

раме свои, и идоста вспять, и покрыста наготу отца || своего, и лица ею зряще вспять, наготы же отца своего не видеста. Истрезве же Ной от вина и уразуме, елико сотвори ему сын его средний, и рече: «Проклят будет Хам и да будет раб братама своима». И рече: «Благословен бог Симов, и да будет Хам раб его, и да распространит бог Афета, и вселится в села Симова, и да будет Хам раб има». л. 84

Зде разумеем, яко тако же благословени будут, — елицы недостатков не зрят и от иных покрывают отец своих или плотских или духовных или по слову. В толику убо беду конец пьянства || изыде. Тако же и Логово же питие в конец колики беды достиже. И вспомяну же и еще писание пьянства, иже при телчи сотворени. Седоша, рече, людие ясти и пити и восташа играти, и конец в беду постиже: падоша бо мечем двадесят тысяч и три тысячи. А в Левитстей книзе заповедь лежит и глагола господь ко Аарону рекий: «Вина и олута не пей ты и сыны твоя с тобою, егда входите в храм свидания, приступающим вам к требнику, да не умрете». Закон вечный врожения их отлучите между святыми и между сквернавыми, показа заповедь питию винному плод умершвление, л. 84 об.

яко приступающий к святому жертвеннику, пьюще вино, смерти достойни суть.

Пишет же во Иеремии пророце слово ко Иеремию от господя, глаголя: «Иди в дом Рахавль, и ззови я, и веди я в дом господень, во един от дворов, и напоиши я вина». И приведох Иезекию, сына Иеремина сына Ховякина, и братию его, и весь дом Рахавин. И введох я в дом господень в храм имения сынов Анании, сына Годолина, человека божия, иже есть близ дому княжа, выше дому Маасекова, сына Селомля, стрегущаго двор || и поставих пред ними корчаги вина и чаши и рекох: л. 85

«Пийте». И рекоша: «Не пьем вина, яко Ианадав, сын Рахавль, отец наш, заоведа нам, рекий: «Не пийте вина вы и сынове ваши до века». И послушахом словесе Ианадавле отца нашего, яко же не пити вина вся дни живота нашего, мы и жены наша, и сынове, и дщери наши». Того ради сице рече господь: Елма же послушавше сынове Ианадавли заповедь отца своего творити, елико им заоведа отец их, не оскуде муж сынов Ианадавл сына Рахавля, стоя перед лицом моим вся дни || земля. л. 85 об.

Сей Иеремия пророк иереи сый и по глаголу божию приведе напоити вина дом Рахивль рода иерейскаго. И есть разумети зде, колико угодно пред господем, еже не упиватися, понеже дом Рохавль не послуша пророка, повелевающа словом господним пити им вино. В толиде же прслушании словесе господня Рахавль дом не токмо не пострада ни единого зла, ниже клятвы коея, но наипаче благословение божие прия, яко быти

- мужу сынов Ианадавов Рахавля предстояти пред лицом господним вся дни земля. || Иудеи же не послушаху повеления господня и оправдания его не храняху, еще же и нечествоваху к богу и укланяющеся от бога ко идолам. И того ради предаст господь Иерусалима в плен, и всего Израиля Новходоносору. И глагола господь на Иерусалима пророки своими и на святая святых предати в плен, и в пожжение, и в вечную смерть царя, и священники, и всего Израиля в расхищение и в преселение. Токмо сынов Ианадавов дом Рахавль снабдети обещася господь, за еже им предстояти пред лицом его, рекше священствовати и молитвовати к богу, мужу дому || Рахавля от сынов Ианадавль, понеже послушаша заповеди отца своего Ианадава, еже не пити вина. И сего ради бог не предаст их в плен, ни в посечение, ни в приселение в Вавилон, но благоволити им предстояти им пред лицом своим вся дни земля. И zde убо преслушание словесе господня сынов Ианадавль толико ползова, за еже не пити им вина по заповеданию отца своего Ианадава, яко быти им без оскудения в службах пред господем богом во вся дни земля.
- Колико же убо зло преслушати словесе господня, навикнуем || не токмо во Исходе, и в Числах, и в Ливитицы, и в Судиях, но и в Царствах. Саул преслуша слово господне и принесе всеозжжение, не пождав Самуила пророка. Сего ради предан бысть на убиение иноплеменником и царство его отъят бог от него и от семени его. Иеровоам, сын Наваш, раб Соломонов, повнегда воцаритися ему над десятью колени сынов Израилев, отступи от бога и сотвори две телице злате, во еже жрети им израильтяном вместо бога. И послан бысть пророк от бога обличити беззаконие цареве, и прият пророк заповедь от бога ни ясти, ни пити || тамо. Повнегда же пророку обличити царя и прорекшу на жертвенник телич, и на жреца их, и на лживых пророк, во еже потребитися им от Иосия царя, и костем их сожещися, и пепелу развеятися, жертвеннику же разседшуся, и руже Еровоамли усуши, простершиися яти пророка. Молитвою же пророка руже цареве исцелевши. Тогда моли пророка Еровоам царь снести хлеб, и не послушав пророк царя снести хлеб, по заповеди господни. Сынове же лжяго пророка, сущаго ту в Вефиле, слышаша пророчество и чудеса видоша, пришедше, поведаша || лжепророку, отцу своему. Той же, всед на осля, постиже пророка господня и моли его возвратитися и снести хлеб у него. Пророк же господень, отрицаюся снеди, поведает ему заповедь от господа не снести тамо. И глагола лжий пророк ко господню пророку: «И аз пророк же есмь, и рече ми господь возвратити тя днесь ясти». И возвратися господень пророк и яст и пит у лжепророка. Провожая же лжепророк господня пророка, рече ему: «Заповедати господь не ясти zde, и ты яде и пит и преступи слово господне. Сего ради на пути поразит тя лев и умреши». И порази пророка лев || и умре пророк господень, осла же пророка не вреди и телесе пророка не коснуся лев, и погребоша его тамо. Колико убо страшен суд на преслушание словесе господня! Пророк, бывый дом духу святому, чудеса сотворивый и от лва удавлен бысть и умре не в дому своем, на земли погребешя, кроме наследия отец своих. Се убо тяжко и поносно во Израили, еже кому погребену быти не в причастии своем. И се вид есть мучения тогда.

Во дни же Ахава, царя Израилева, внегда ят Ахав царя Дамаскова на рати и, почтив, отпусти его, и послан бысть пророк || от господа обличити о сем Ахава. И пришед пророк к человеку, рече ему: «Бий мя». И усумнися человек бити пророка и не бив его. И рече ему пророк: «Понеже не бит мя, се отходиши ты, и снести ты лев». И по отшествии человек той бысть изъяден лвом. И пришед пророк к другому человеку и рече: «Бий мя». И той его бит и сокруши ему лице. О сем Златоуст

в Маргарите повествуя и удивляя же ся, глаголаше: Чюдо, како бивый пророка спасеся, пощадевый же пророка погиле!

Отсюдо навькнуем, яко да повинуемся воли божи во всем. Не просто бо рече пророк: «Бий мя», || но словесем господнем «бий мя». Толика убо суда зельность на непокаряющихся словеси господню. Пророк прелщен лжим пророком по словеси господню и муж, почитывый пророка паче словеси господня, без мучения не быша оставлени, им же не послушаша словесе господня. Зде же дом Рахавль преслушаша слово господне, повелевшее им пити вино, они же не пиша вина, не токмо не пострадаша ни что же, но и благословение велико и благодать улучиша.

От сего готово разумети волю божию о питии, яко любит не упивающихся и отвращается зело упивающихся. || Смотрите же зде и се, яко несть просто, еже о дому Рахавли, сынов Ианадавов, писа пророк, но слово господне о сем ему бысть. Сего же ради не яко прилучися ему глаголати, повелесе дому Рахавлю, но введши в дом господень и во двор, ту напоити их рече господь.

Тем же и Иеремия пророк со многим опасением велико свидетелство надстави, яко бы невозможни утаитися сему и повсюду ведому быти, яко введе в дом господен весь дом Рахавль и яко в храм имения приведе, представи же и сынов Ананиин и Годолею, человека божи, воспоминаи и место предначерта || со всяким свидетельством, яко близ есть дому княжа, яко выше дому Маасекова и Селоаома, рече, и стражи двора.

Сего ради великое опасение и многа свидетельства пророк надстави, понеже сыновом Ианадавовым дому Рахавля о питии вина преслушавшем словесе господня быти благословенным, а не мученным, яко же и праведным о нем, иже при Иеровааме пророку господню и при Ахаве пощадевшу пророка и не бившему, зверми умученным бывшем преслушавше слово господне. Толико убо неупивание приятно благому богowi. Яве же || от сего и пьянство, колико ему ненавистно, удобно разумети есть.

Но и вышши всех премудростию Соломон лютое пьянства ведый, написа сице: лутче есть внити в дом плача, паче нежели, глаголя, внити в дом пира. Сия во Екклесиасте, в Притчах же много потязая безумство невоздержания и долгим словом обличая бедное сокрушение, яже от пьянства бываемая, и глаголет: «Сыне, аще премудро будет сердце твое, возвеселиши мое сердце, да не ревнует сердце твое грешником, но во страхе господни будет весь день. Слыши, сыне мой, и премудр бу|деши, исправи мысль твоего сердца, не буди винопийца». Всяк бо пьяница и блудник обнищает и облечется в раздранная, и всяк законопреступник потребится. Кому люте, кому молва, кому судове, кому скаредия и пря, кому сокрушение вотще, кому сини очи? Не прибывающим ли в вине и назирающим, где пирове бывают? Не упивайтесь вином, но беседуйте человеком приятном и беседуйте во искажении их. Аще бо на чаши и на сткляницы даси очи свои, последи же пойдеси на множайшия точила. В последняя же, яко от змия секновен || прострется и, яко от кераста, расходится его яд. Очи твои, егда узрят чюжая, уста твоя тогда рекут стропотная и истаеши, яко же в сердцы моря и яко же кормчии во мнози волнении, та же речеши: «Биша мя и не поболех; поругаша ми ся, аз же не разумех, когда утро будет, да, пришед, взыщу с ними же и снидуся. Сыне, не ревнуй мужем злым, не желай быти с ними».

Зде нещии рекут, оправдающе себе, яко не на худьшее снидохомся испивати, но беседы ради, ибо и Соломон, внегда рече: «Не упивайтесь вином», прирече же абие: «Но беседуйте человеком || приятном». Отъемля

убо Соломон всем таковое лицемерие, не дая ни мала непщевания вины коему лукавству. Сего ради глаголет, повелевая: «Не упиватися вином, но беседовати человеком приятном», — и абие наведе: «Но беседуйте во исхождении», понеже глагола Соломон: «Дай вино мужу, сушу в печали, да упився, забудет убожества». Да не по сему его словеси сластолюбцы пиянство поженут, еже виною печалей упиватися возлюбят. Сего ради zde таковому безумию запрещает Соломон, глаголя: «Не упивайтесь вином, но беседуйте человеком приятном», сиречь нашедшую ти печаль

л. 93 не ви||нным упиванием разсыповай, но беседу приятельскою разсыпи печаль. Могут бо дружняя доброувещательная глаголы разсыпати мужу печаль. Тако Соломон мужу во время печали его не вином, но беседою приятельскою дружнею утешитися повелевает, и понеже беседою приятелей разгнати повеле и веселие призвати, да не на беседе сидящим им удобь приложится к ним вино, его же ради вместо разсмотрения о печали и приятия разума възвнействуются пиянством и забудут премудрость.

Сего ради како повелевает от пиянства свободну быти и избыти

л. 93 об. неи||стования? Рече: «И беседуйте во исхождении», рекше, не на месте сидяще, беседуйте, ниже в дому, но проходяще, во исхождении беседуйте, идеже несть где вину к ним приближиться, ходящим им в происхождении, а не сидящим. Сими показа и она словеса своя, глаголющая еже: «Дай вино мужу в печали сушу, да, упився, забудет убожества». Не о всякой печали прилучшейся глаголет се, яже иже будет, но о оной печали, ей же еще от словес утешения приложити не будет возможно,

л. 94 якова же печаль изжившим в велице богатстве испадшим же || от него во многу нищету. Сия бо печаль словесы исцелеватися не может. Ни едино бо гобзование или имения, кую часть словеса придадут и утешат нищетную болезнь. По словесех бо и в словесех нищета таяжде обстоит единаче впадшаго в ню. И сего ради повелевает сущему в таковой печали дати вино упитися ему, за еже забыти ему обубожение свое. Нищета бо не тако опечалает нищаго, понеже воспитавшуся ему в ней и рождшуся. Сего ради несть тяжка нищему нищета, сродница бо ему и совозрастница суши. Болезненно же убо и тяжко, иже от великого бога||тства впадшему в ню, не обыкшу ко озлоблению нищетному, понеже богатство совозрастно ему и разблажение совоспитательница ему. И сего ради не имать общения в нищете, тем же неисцелною печалию снедаем бывает таковой, и той, упився, забудет убожество свое, от силы вина преклонся в сон, его же ради и поспит в сладость. Иныя же печали, елики от вражды и от суперников, словесы приятелей возмогут утешение прияти. Удобно бо словесы тако взя печали исцелевати, понеже от словес печаль, тем же от словес и исцеление. Сирах же прирече подати болному ||

л. 95 пиянство к печальному подаянию винному.

Мню сего ради, яко же Соломон печальному вино сице и Сирах болному пиянство повелевает, понеже едино страждут убозии и болнии сердечное утеснение и телесное истощание, отнюду же и сну от очию их отходящу. Упивше же ся и уснувшие, оубо однохнутие на толице ов от болезни, ов же от печали приемлют. Показав же убо Соломон, елика злая приобретают пребывающии в вине и назирающии, где пирове бывають, глаголя: «Кому лоте, кому молва, кому судове, кому скаредие и пря, кому

л. 95 об. сокрушение вотще, кому сини очи?», — наказав же || не упиватися вином и како с приятели беседовати, яко ни на беседе, ни в дому, ни в храмине, но наясне во исхождении, заеже не приблизитися к ним вину, да не упиются, — научает же прочее, в колику беду впаднути есть не внимающим себе и не хранящим воздержания, глаголя еще, рече: «На чаши и

на стяницы даси очи твои³ последи же пойдеси на множайшая точила, последняя же, яко от змии секновен, простресея и, яко от кераста расходится его яд», вегда, рече, погубиши хранение и отвержеши от себе воздержание, || и не отвратиши очес твоих от чашиц и ока твоего не возбраниша собирати стяниц, не угасиши пьянственного недуга, но множайший тем воспалиши пламень, не удержав бо себе от чаши, прострешися и до сткляницы, не станеша же и на сткляницы, но пойдеси и на вся точила. Точила же убо, идеже вино изжимают, топчущии. По нашей же стране речь сия: на множайшая русла и тцаны потечеша, рече.

Виждь же убо беды неударжимое стремление. Последи же, рече, яко от змия секновен, простресея и яко яд кераста расходится, яко змию, рече, уяден зле простресея, рекше умрет, не воз||может же ни от обавания обрести злу облегчения, толико бо скоро смерти предаст, елико скоро яд кераста расходится. Мню, кераста гада глаголет, его же у нас именуяют уж. Глаголют бо деревенстии людие, видевше уяденых змию, яко в велице болезни многою нуждою умирают, обаче же не вскоре, пребывают бо уядении змию и до полудне зле страждуща, бывает же иному и весь день страдати, есть же иногда и день и ночь в не же время, обретше врача, множицею помогают страждущему. Гаду же, рекше уж, аще уяст, не пребывают уядении четверти || часа живы, яду вскоре разлиявшуся по всему телу, его же, надмнувша, абие умервляет. Ему же по всему подобна пьянственная беда, тако же умершвляющая душу и тело вкупе. Толику убо беду пьянства конец приводится. Глаголет Соломон прочее, жалеет иже по сих суетно раскаявшася, сказав преже страсти лютость, глаголя: «Очи твои, егда узрят чюжая, уста твоя тогда рекут стропотная». Обличая же ему недоумение многая, глаголет: «И истаяши, яко же в сердцы моря и яко же кормчий во мнозе волнении. Та же речеши: Биша мя, и не поболех, поругаша ми ся, и не разумех». Многая || нечувствия и безумия укоряет пьяниц.

Сия убо в Ветхом. Вегда же и в Новом воспомянуты господни глаголы, множае первых пьянство умучаемо обрящем. Рече бо господь: «Горе вам, насыщеннии, яко взалчете». Кое взалкание глаголет господь? Яве, яко оно взалкание, еже при Лазари богатаго от насыщения взалкавшася показа, вегда возопити богатому в муках: «Отче Аврааме, помилуй мя. Посла Лазаря да омочит край перста своего в воде и накапит мне язык, да проглаголю, яко зле стражду в пламени сем». И еже глагола господь: И начнет злый раб той ясти и упива||тися, и придет господин его в день, во нь же не чае, и в час, во нь же не весть, и распластает его наполю и часть его положит с неверными.

Пишет же апостол: Писах к вам в послании не примешатися к любодейцем, неточию любодейцем мира сего, или лихоимцем, или хищником, или идолослужителем, понеже должни есте убо от мира сего изыти. Ныне же писах вам: Не примешайтесе, аще некий, брат именуем, или блудник, или лихоимец, или идолослужитель, или ругатель, или пьяница, или хищник, с таковыми ниже ясти. Что бо ми и внешним судите, не внутренним ли вы || судите? Внешним же бог судит. И измете злаго от вас самех. Смет ли кто вас, вещь имея ко иному, судитесь от неправедных, а не от святых? Не весте ли, яко святии мирови судят, и, аще вами судится мир, недостойно есте судищем худым? Не весте ли, яко аггелом судим, не точию житейским? Житейская бо убо судища, аще имате уничиженныя во църкви, сия посаждаете. К сраму вам глаголю: «Тако ли несть ни един в вас премудр, иже может рассудити между брата

³ Над словом твои тем же почерком написано свои.

своего? Но брат со братом судится, и се от неверных. Се бо отнюд срам
 л. 99 вам есть, яко тяжбы имате с собою. Почто не па||че обидими есте, почто
 не паче лишени бываете? Но вы обидите и лишаете, и се братие? Или
 не весте, яко неправедницы царствия божия не наследят? Не льстите
 себе: ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни сквернители,
 ни малакия, ни мужеложницы, ни лихоимцы, ни татие, ни пьяницы, ни
 досадители, ни хищницы царствия божия не наследят».

О сих убо аз глаголати не могу, оставляю единой совести та разсмотр-
 яти. Плачу же себе помногу зело, егда убо буду, никого ни убив, ни
 л. 99 об. заклав, и ни единого обидев, ниже прелюбодеяв, || едино точию пьяница
 быв, со всеми теми царствия небеснаго лишен буду, и вложен буду с ними
 тамо, идеже огонь их не угаснет и червь их не умирает. Что убо мя тогда
 возможет ползовати, еже бога-отца познание и едиnorodнаго его сына
 господа нашего Исуса Христа и пресвятаго его духа святою верою, иже
 в тройцы единого бога? Что же ли буду приобрет, написан быв в жизнь
 вечную царствия небеснаго, вегда во адových темницах заключен буду
 с прелюбодеи и с разбойники и с хищники? Како убо достоин здрогнуся
 л. 100 и вострепешу и убоюся величества страха, по||всегда бывшу ми святым
 крещением и вкушением тела и крове Христовы, сотелесну⁴ и сопричастну
 Христу, абие за пьянство едино услышати грознаго и трепетнаго оногo
 ответа: «Отъидите от мене, проклятии, во огонь вечный, уготованный
 дяволу с аггелом его?». Нестерпим убо гнев на грешники прещения
 господня, его же воздержанием и вниманием буди убежати нам и хране-
 нием заповедей господних сподобитися блаженнаго и вселюбезнаго слад-
 каго оногo гласа, еже «Приидете, благословении отца моего, последуйте
 уготованное вам царствие от сложения мира». Невозможно убо ни еди-
 ный страсти греховныя сво||бодитися, аще не до крови противу греха
 стати, яко же научает божественный апостол во еврейстей епистолии.
 В грех же хотением привлачатся человек, сего ради заповедь глаголет:
 Не походи. И аще немужественне крепость в себе основати имамы, во еже
 отринуту от души хотение, чaste попалзающеся в него обрящемся, упив-
 шия же ся душа любовию к богу никако же не походит ни малых не-
 угодных богу. Тако же и убоявыйся господа бога своего, рекше стяжа-
 вый страх господень в сердцы, вскоре премудр будет убежати всякого
 л. 101 греха, взыскав бо греховныя вины и яже в ней обрет жилы || и корения,
 сия пресечет, абие греха умертвит и вскоре избудет страсти, яко же
 Соломон учит, како от пьянства свободну быти, вегда кто преже очи
 свои удержит от чаши, не прострутся ему и руце, еже прияти ю. И аще
 возмужествова на чашу сице, сткляницу же обрящется преже победив.
 Возмогий бо око свое отвратити от чаши, сткляница же и не будет сту-
 жати ему. Точила же будут далече от него до толика, елико ни памяти им
 будет. Забывшему же точила, невозможно в последняя, аки от змия,
 л. 101 об. уядену быти. Где же ли в нем и разытися будет || пьянственному яду
 по керасту? Мню убо, яко лепо послушати Соломона, добро бо учит.

Здрави же будите и молитесь за ны, боголюбцы, яко и братолюбцы
 воистинну, молю вы. О прочих же глаголет апостол: Верен бог, иже не
 оставит нас искуситися, еже мощи претерпети.

⁴ Испр. в рукописи стелесну.